

Категории «духовность» и «нравственность» в Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России

Научная позиция

К.Г. МИРОНОВ,

старший преподаватель, Современная гуманитарная академия (Санкт-Петербургский филиал)

В.Ф. ЕФИМОВ,

доктор педагогических наук, профессор, Московский государственный областной гуманитарный институт, г. Орехово-Зуево

Необходимость введения в школьное образование предмета, дающего объективные представления о нравственности и морали, кажется, очевидна. Но проекты, концепции, программы, посвященные морально-нравственному воспитанию, из которых можно выбрать лучшие, в достаточном количестве появились только сейчас. В Государственный стандарт образования была включена Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России (далее — Концепция) [3]¹, являющаяся основой для создания «сквозных» разделов (а не одного предмета!) образовательной программы педагогического учреждения.

В Концепции есть справедливое замечание об эрозии духовно-нравственных ценностей, норм в нашем обществе [3, 4], для преодоления которой необходимо четко ответить на вопросы «Что есть нравственность?» и «Что есть мораль?», т.е. иметь объективное представление о морали и нравственности, а также представление об источниках иерархий морально-нравственных ценностей. В соответствии с какой философской концепцией будет определяться, что является более высокой моральной

ценностью, а что нет? Этот вопрос кажется отвлеченным, но он гораздо более актуален, чем кажется. Например, без установления иерархической структуры и доминант базовых национальных ценностей, обозначенных в Концепции [3, 18], они легко переходят в свои противоположности. Так, патриотизм (и гуманизм) при эгоцентризме превращается в национализм или, еще хуже, в фашизм, социальная солидарность отдельных личностей или групп людей при отсутствии толерантности в коллективную агрессию и т.п. То есть в названной Концепции наличествуют методологические рекомендации довольно общего характера, но при этом отсутствуют пути решения ряда проблем, возникающих при реализации предлагаемых целей. Кроме того, в предлагаемых материалах содержится прямое противоречие с наблюдаемой реальностью (в области социальной, общественной, религиозной), которое может породить конфликт интересов воспитанника (школьника), его семьи и образовательного учреждения — конфликт традиционного семейного уклада и разделяемой авторами Концепции правовой и государственнической позиции, которая основана на полном примате госу-

¹ В квадратных скобках указан номер работы и страницы в ней из списка «Использованная литература». — *Ред.*

дарства над личностью: «Ступень российской гражданской идентичности — это высшая ступень процесса духовно-нравственного развития личности россиянина, его гражданского, патриотического воспитания» [3, 17]. Как видим, авторами Концепции гражданская идентичность (преданность государству) объявляется высшей ступенью духовно-нравственного развития.

В Концепции [3, 5] контекстуально рассматриваются осуществляемые через образование как духовно-нравственные атрибуты социальная солидарность, доверие человека, консолидация российского общества, сферы формирования ценностей. Перечисленные атрибуты совокупно входят в сложную систему *взаимодействий* индивидов между собой, обществом и государством и в реальности складываются в феномен коллективного сознания. Является ли этот феномен коллективного сознания духовно-нравственной ценностью — дискуссионный вопрос.

Рассмотрим, что именно предлагается авторами Концепции в качестве общеобязательного стандарта — какие идеологические модели государства, личности, нации, этноса. *И тут все зависит от внутренней нравственной системы ценностей* Человека. История, повсеместная практика применения двойных стандартов показали, что исполнение заведомо преступных приказов самыми, казалось бы, нравственно устойчивыми людьми вполне возможно. Это явление ставит всех размышляющих над темой нравственности и морали в положение «идущих по минному полю», поскольку их теории и разработки со временем будут реализованы в поступках конкретных людей, причем как конструктивных, так и деструктивных, а то и прямо преступных.

В наше время использование категории «нравственное» сопровождается отождествлением ее с категориями «мораль» и «этика» [1]. Естественно, это не совсем так. Нравственность — это внутренняя установка индивида действовать согласно своей совести и свободной воле — в отличие от морали, которая, наряду с законом, является внешним требованием к поведению индивида. То есть мораль буквально является сдерживающим и направляющим фактором

для нравственности. В научном дискурсе диалектика соотношения нравственности и морали со времен Гегеля [5] практически не изменилась.

Авторы рассматриваемой Концепции имеют свое, авторское видение понятия «нравственность», где последняя — это не внутренняя установка индивида, а всего лишь следование национальным, семейным и религиозным традициям [3, 12]. Если смотреть строго с позиции этики, то национальные, религиозные и семейные традиции — тоже форма морали. Единственное здесь отличие морали от права — это отсутствие инструмента принуждения. Но именно в инструменте принуждения в Концепции подразумевается разница между нравственностью и моралью.

Сами по себе законы не гарантируют того, что отраженные в них моральные нормы являются также личностными убеждениями человека, принимаются и выполняются им сознательно, добровольно, по совести и нравственному долгу. Если гражданин лишен духовно-нравственных основ (честности, доброты, искренности, милосердия) уже по той причине, что никто (за исключением, может быть, родителей) его в них не закладывал, то и законы исполняться не будут. Право способно принуждать к исполнению своих норм и потому добиваться исполнения их даже теми, кто не желает их исполнять. Поэтому демаркационная линия между моралью и нравственностью лежит вовсе не в области дихотомии: «добровольное исполнение» и «исполнение под принуждением», — а в области разделения на «внешнее» и «внутреннее». Внутренние нравственные нормы также обладают механизмом принуждения, только реализация этого механизма находится на уровне подсознательного в психике человека. Чаще всего этот механизм принято называть «совестью», а его действия, доставляющие неприятные ощущения после совершения нравственного негативного акта (действия или бездействия) — «угрызениями совести». Естественно, что категория совести весьма субъективна.

В европейской науке многие ученые (такие, как Юм, Поппер, Стивенсон, Скиннер и др.) пишут о невозможности рациональ-

ного обоснования нравственных норм [6]. Это мнение широко распространено и в среде представителей российской науки. Если подходить к этому вопросу более глубоко, то в конечном итоге мы приходим к идее того, что процесс воспитания, по сути, является процессом приобщения к определенной системе нравственных ценностей. Однако этот процесс следует понимать не как простое информирование на тему «что такое хорошо и что такое плохо», но как выработку склонности поступать в соответствии с заявленной системой ценностей.

В связи с этим встает вопрос о выборе самой системы ценностей. Этот вопрос остается открытым, и вот по какой причине. Авторы Концепции предлагают ориентироваться при построении иерархической системы нравственных ценностей на «духовность традиционных религий» России. Еще недавно религия рассматривалась как пережиток интеллектуального прогресса или его несостоятельная идеологическая надстройка. В научной литературе постоянно пропагандировалась мысль об отмирании религии в обществе будущего. Но в настоящее время мы видим многочисленные свидетельства ложности данного утверждения. Начиная с 60-х годов XX в. доля религиозности в мире постоянно возрастает, несмотря на то что сокращается доля именно «традиционных конфессий» (на последнем факте и пытаются еще спекулировать сторонники «отмирания религии»). Отчасти это может быть связано с модернизацией богословия в традиционных конфессиях, но при этом можно видеть, как реальность нашего времени показывает, что силу набирают именно наименее гуманистичные и наименее склонные к модернизации конфессии, как, например, радикальный ислам.

Дело в том, что сама по себе религия это изначально некий разрыв с тем, что принято называть «традиционность» [4]. Традиция, охраняя религию от посягательств, с одной стороны, с другой — препятствует ее развитию, потому любой шаг в развитии любой религии — это результат конфликта «традиции» с «ересью».

Когда же говорится о «традиционных духовных ценностях» в России начала XXI в., то нетрудно заметить, что «тради-

ционализм» тут носит характер постмодернистской игры, получившей начало в преодолении идеологического наследия модерна, где на первом месте было благо некоего абстрактного человека или даже некое абстрактное «будущее всего человечества». Сейчас на первые места выходят вещи более конкретные: народ, нация, Бог, традиция. При этом, по сути, мало кто берет на себя смелость заявить, что именно его бог или традиция должны быть главенствующими.

Это не стало бы источником проблем, если бы Россия была моноэтнической и моноконфессиональной страной, как Скандинавские страны или Ирландия. Однако в России проживают представители множества конфессий и этнических сообществ, в том числе и те, которые традиционно негативно настроены относительно друг друга. Поэтому без четкого определения, что такое «традиционная духовность», говорить о ней как об основе нравственности невозможно. Также невозможно без дефиниций категорий «добра» и «зла» решить, что является конструктивным, а что деструктивным.

Абстрактная «традиционная духовность» в реальности просто не существует. Существует множество национальных и религиозных традиций. Очевидно, что у разных культур, народов, этнических групп существуют разные иерархии ценностей, зачастую весьма различные по содержанию. Потому любая попытка ввести объективные критерии может стать поводом к догматизму и навязыванию своей системы ценностей, а потому априорно обречена на неудачу. Тем более обречена на неудачу попытка сформировать или синтезировать некую «традиционную духовность», устраивающую всех.

История нравственного воспитания в России изложена в разделе Концепции, который называется «Национальный нравственный идеал». Этот раздел содержит историческую часть, поскольку именно историческая наука помогает оценить изменения нравственной парадигмы и сделать из этого объективные выводы, помогающие нам в настоящем. Но это только при условии, что это будет объективная, а не мифологическая история, информация о реальных событиях, их предпосылках и последствиях, а не

искаженная по идеологическим клише. В случае идеологической обработки история из учителя может превратиться в «слепого проводника слепых».

Концепция описывает средневековую Русь как общество с абсолютизированным религиозным сознанием: «Православная вера была одним из важных факторов, обеспечивающих духовное единство народа» [3, 10]. Тут главная ошибка, на наш взгляд, заключена в том, что история допетровской Руси знает несколько разных периодов развития государства и общества: домонгольский период, в который средневековая Русь культурно и политически развивалась параллельно с европейскими государствами, также переживавшими периоды феодальной раздробленности и становление правовых систем государств; монгольский период, когда развитие общества приостановилось; московский Ренессанс, связанный с развитием и выходом на первые роли среди русских государств Великого княжества Московского; период царства Московского, осознающего себя уже не просто одним из множества государств, но стержневой структурой православной цивилизации. То есть на приписываемый всему русскому Средневековью воспитательный идеал русская цивилизация вышла только к XVI в.

Концепция не учитывает того факта, что главной ценностью для жителей Московского царства была именно православная религия. Государство было подчинено идее «православного царства», и религия, по сути, исполняла роль единственного идентификатора. Собственно «Русь», как некая ценностная единица, не обладала самоценностью. Государство для подданных Московского царства было ценно только в связи с религией — как подчиненное по отношению к вопросу православия явление. Вовсе не «честь, верность, соборность, самоотверженность, служение, любовь» были главнейшими нравственными ценностями, но религиозная вера и догматическая чистота воззрений. (К слову, термин «соборность» понимался совершенно иначе, чем это было воспринято славянофилами в XIX в.)

Ярким примером того, что ценность государственной власти в глазах людей была

обусловлена верностью последней православия, служит раскол Русской Церкви, произошедший в XVII в. Автоматически отношение к власти московского царя сменилось с «богоустановленной» на «антихристову». С точки зрения многих подданных царя Алексея Михайловича, власть в Московском царстве стала «антихристовой» именно в связи с переменой парадигмы отношения власти к вопросам веры и главным образом Человека. На смену религиозному теоцентричному взгляду на мир и Человека приходит взгляд, при котором государство (как правило, абсолютная монархия) становится в центре мироздания. Это уже принципиально другая доктрина, доктрина эпохи Просвещения. Потому меняется и воспитательный идеал — теперь это «человек государственный, слуга царю и отечеству». Так что именно в Российской империи стало возможно формирование того человека, который в СССР стал «строителем коммунизма».

Далее Концепция дает достаточно трезвый и объективный взгляд на воспитательные идеалы СССР. Выводы, которые делаются из исторической части, следующие: «При определении современного национального воспитательного идеала необходимо в полной мере учитывать преемственность современного национального воспитательного идеала по отношению к национальным воспитательным идеалам прошлых эпох» [3, 11]. Встают законные вопросы: какую преемственность? К Московскому царству? К Российской империи или СССР? Мы на примере истории видим, как несколько раз парадигма воспитания меняется весьма основательно, что, в конце концов, появилась принципиально новая концепция человека и общества, общества и государства, не говоря уже о воспитательном идеале.

Концепция утверждает: «Российская школа призвана к воспитанию личности свободной, творческой, инициативной, саморазвивающейся». Но именно все эти качества и казались лишними подданным «Третьего Рима». «Слуга царю» не может быть «инициативным и саморазвивающимся», он должен ловить знаки приказов своего господина, чтобы быстрее их выполнять, т.е. перед нами декларация о некоем преем-

стве, хотя сущность данного преемства так и остается открытым вопросом.

Понятие «духовного» в современном мире крайне размыто. В самом деле, чаще всего «духовным» считается любое проявление внутреннего мира человека в общественных отношениях и, шире, всей реальности. В различных гуманитарных текстах под духовностью понимается стремление к святости, совокупность морали, религиозных традиций и эстетики. В словарях можно найти отнесение к духовности — науки, культуры, искусства и пр. Однако, будучи неопределенным, понятие «духовность» естественно возвращается к своему религиозному значению, характеризующимся словами Дух, Бог, Вера, Святость, Благодать, сакральность и др.

В Концепции [3] понятие «духовное» как самостоятельная дефиниция используется несколько раз и периодически отсылает нас к религиозной традиции как к источнику духовно-нравственного воспитания. Это не стало бы источником проблем, если бы Россия, повторим, была моноэтнической и моноконфессиональной страной. Понятие «духовность» не обретает в Концепции дефиниции, удовлетворяющей всем слоям российского общества.

В итоге в данной Концепции мы видим только лозунговую программу, ориентированную на обозначение неких гипотетических приоритетов, но не на построение собственно концепции духовного и нравственного воспитания. Без конкретных научных дефиниций понятий «духовность» (вертикаль личности) и «нравственность» (горизонталь личности), устранения их смешивания построение какой-либо концепции духовного и нравственного (а не духовно-нравственного!) воспитания просто невозможно (тем более в рамках краткого документа, каким является рассматриваемая Концепция).

Под видом заботы о возрождении традиций духовно-нравственного воспитания нашему обществу предлагается отказаться от представления о Личности человека как о самостоятельной ценности. Цель концепции, на наш взгляд, — просто реанимировать предшествующую систему нравственного воспитания с ее, мягко сказать, принижением, а то и презрением к личности вне

контекста национальной или государственной (гражданской) идентификации. Тут нет прямого требования — упразднить этнические, религиозные и прочие различия между людьми. Однако присутствует идея «плавильного котла», в котором единая социальная общность — «русский народ» (как своего рода суперэтнос) — растворяет в себе прочие формы коллективной идентификации.

Гуманистическая модель отношения государства и личности состоит в непреложной обязанности государства в предоставлении условий для развития Человека как главной преобразующей силы земли. Рассматриваемая Концепция строится на модели отношения личности и государства, построенной в большей степени на полном примате государства над индивидом, при котором государство объявляется личной нравственной ценностью гражданина. Учитывая возможности принуждения и подавления, которыми обладают органы государственного управления в XXI в., мы фактически видим попытку создать Концепцию, ориентированную на воспитание детей в духе персонажей Оруэлла и Замятина, людей полностью растворенных в коллективном «мы» государства.

Остается задаться вопросами: удовлетворяет ли Концепция, следующая воззрениям прошлого и настоящего времени, ожиданиям, запросам, потребностям общества, государства, родителей завтрашнего дня? Соответствует ли такая Концепция сверхзадаче отечественного образования?

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян Р.Г.* Нравственность // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2000. Т. 3.
2. *Гусейнов А.А., Иррлитц Г.* Краткая история этики. Гл. «Гегель». М.: Мысль, 1987.
3. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2011.
4. *Макаров Н.О.* Религиоведческое наследие Аврелия Августина // Религиоведение. 2006. № 4. С. 126.
5. *Levine Robert V.* Milgram's Progress // American Scientist. 2004. July — August.
6. *Skinner B.F.* Beyond Freedom and Dignity. N.Y.: Knopf, 1971.